

Василий Богуслаевич

Грозный царь Иван Васильевич
Завел пир про князей про бояр,
Про сильных могучих богатырей,
Про всю поляницу удалую.
Тут на пиру да напивалисе,
Тут на пиру да порасхвастались.
Еще кто-то хвалится своей силой могучею,
Еще кто-то хвалится да саблей вострою,
Еще кто-то хвалится палицей боевою,
Еще кто-то хвалится своей силой могучею,
Еще кто-то хвалится да золотой казной,
Еще кто-то хвалится да молодой женой.
Как возгóворил грозный царь Иван Васильевич:
— Еще кто-то из вас идет на мою силу на войскую?

Как тут князья, бояре,
Сильный могучии богатыри,
Еще большей за мёньшово хоронится,
И меньшей за бóльшово хоронится,
А средней-то не знае отвиту дать.
Как з-за тех столов да з-за дубовых
Становился тут дороден добрый молодец
Василий Богуслаевич,
Ему от роду семнадцать лет.
— Уж как грозный царь Иван Васильевич,
Уж как я иду на всю силу на войскую,
Только прикажите мне со пиру со кумпаньцы
Себе выбрать двух товарищей.
Говорил Василий Богуслаевич:
— Еще кто со пиру да со кумпаньцы
А ко мни во товарищи?

Как выскакивал Поташенька сутул-горбат,
На одну ноженку припадывал.
— Еще кто второй да во товарищи?
Еще выскакивал Васька белозёрянин:
— Как Василию Богуслаевичу

Я иду да во товарищи.

— Ступайте же ко мни в полаты белокаменны,
Ступайте же к моей матушки,
К Мамельфы Тимофеевны,
Садитесь за столы дубовыи,
За скатерти за браныи,
За ествы за сахарныи,
А за питья за медвяныи.

Тут Василий Богуслаевич
С грозным царём Иваном Васильевичем
Сделали она за́говор великий,
Уж как записи они записывали,
Уж как заклички закличивали:
Ежели побьет да силу войскую,
Чтобы владеть да всим Новым-градом;
Ежели побьет да сила войская,
Так нет ни сыску, ни отыску.
Как пошел Василий Богуслаевич к своей матушке,
Садился за столы за дубовыи,
За скатерти за браныи,
А за ествы за сахарныи,
А за питья за медвяныи,
Сидит, буйну голову повесивши,
Очи ясны в зень потупивши.

Говорит его матушка:

— Что сидишь, мило мое дитятко,
Что сидишь, буйну голову повесивши,
Очи ясны в зень потупивши?
Аль тебя обесчестил грозный царь Иван Васильевич
Чарой зелена вина?
— Не обесчестил меня грозный царь Иван Васильевич
Чарой зелена вина,
А только я похвалился идти на силу войскую.
Еже побью силу войскую,
Дак чтоб мне владеть да всим Новым-градом;
Если побьет сила войская,
Так нет ни сыску, ни отыску.

Его матушка родная
Напоила напиткам пьяным,

Двенадцати дверям затворила,
Двенадцати замкам замнула все личинным.
Как спит ён, не прѳснется,
Народу к нему на двор валѳм-вали,
А палок к нему на двор возам везу,
Дак выскакивал Поташенька сутул-горбат,
На одну ноженку припадывал,
То сразу семьсот убил.
Дак народу не убавляется.
А народу прибавляется,
А палок возы возам везу.
Как выскакивал Васька белозѳрянин,
А то сразу восемьсот убил.
А народу не убавляется
А народу прибавляется,
А палок возы возам везу.
Выходила дивка служаночка,
Брала коромыселек железенькой,
Ведѳрочка дубовый,
Видит, что его товарищам
Головушки да переломаны,
А платочикам да перевязаны.
Кѳк брала коромыселѳк,
Стала коромысельком помахивать.
Куды мѳхнет — туды улица,
А розмахнет — переулочек.
А народу не убавляется,
А народу прибавляется,
А палок возы возам везу.
Как тут дивка уполѳхалась,
Бросилась да на широкий двор,
Закричала громким голосом:
— Что же ты, Василий Богуслаевич,
Что ты спишь, не проснешься,
А твоим товарищам
Головушки да переломаны,
Платочикам да перевязаны!
    Как услышал Василий Богуслаевич
Голос да богатырский,

Без людей двери отворялисе,
Без ключей замки да отмыкалисе.
Как выскакивал Василий Богуслаевич,
Как выскакивал да на широкий двор,
Не сладилось палочки боёвыи,
Не сладилось да сабли острыи,
Ухватил да ось тележную,
Тележную да железную.
Да куды размахнет — лежит сила войская.
Народу то убавляется,
Не оставляё народу на симена.
Ево дядюшка родныи
Жил в намастыри во Юрьеве,
И пришел ево да уговаривать:
— Ой же ты племянничек,
Не оставляешь себе народу на симена.
Я тебя досюль на борьбы побаривал,
Я тебя на кулачки поколачивал.
— Это дело было, дядюшка, да за робячества,
Это тебе спущается, что ты — дядюшка родныи.
Да уж как стал Василий Богуслаевич
Владеть да всим Новым-градом.

(Записано в сентябре 1871 г. в Петербурге от Ивана Яковлевича Гусева, 88 лет, крестьянина из д. Конец Усанской вол. Новоладожского у. Петербургской губ.)

Онежские былины, записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года. Т. 3. - 1900.